

18+

ВАЛЕРИЯ НАРБИКОВА

ДВА РОМАНА

ИНИЦИАЛЫ.

СУЛТАН И ОТШЕЛЬНИК

Валерия Нарбикова
Два романа. Инициалы.
Султан и отшельник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58860053
ISBN 9785005147936

Аннотация

Валерия Нарбикова окончила Литературный институт им. Горького. В 1978 году дебютировала стихами, но до 1998 года ее проза в России не публиковалась из-за эстетического неприятия издателями «другой литературы». Сейчас же она является одним из самых необычных авторов, пишущих по-русски. Имя Нарбиковой символизирует новую русскую литературу, точнее, самые ее раздражающие и возмущающие аспекты. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Два романа	5
Маленькое предисловие	8
ИНИЦИАЛЫ	10
I	11
II	16
III	24
IV	27
V	47
VI	51
VII	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Два романа Инициалы. Султан и отшельник

Валерия Нарбикова

Редактор Игорь Михайлов

Корректор Дарья Лепихова

Верстка Дмитрий Горяченков

Иллюстрации Валерия Нарбикова

© Валерия Нарбикова, 2020

ISBN 978-5-0051-4793-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Два романа

Маленькое предисловие

Каприс

Валерия Спартаковна Нарбикова – российская поэтесса, писательница и художник. Автор 10 романов, изданных во Франции, Германии, Голландии, Италии, Чехословакии.

Валерия Нарбикова окончила Литературный институт им. Горького. В 1978 году дебютировала стихами в знаменитом альманахе «День поэзии», но до 1998 года ее проза в России не публиковалась из-за эстетического неприятия издателями «другой литературы».

В 1982 году во Франции выходит роман «Инициалы», на родине его напечатают только 38 лет спустя.

В 1986 году в журнале «Юность» был опубликован роман «Эколо около», который можно сравнить с шоковой терапией.

Константин Кедров в своей статье «В пространстве любви и свободы» написал о Валерии Нарбиковой:

«Это мир, не обремененный свинцовыми проблемами социума, быта, весь растворенный только в любви. Там блуждают странные герои. Одного зовут Додостоевский, другого – Тоестьлстой. Есть героиня по имени Ездандукта и есть совсем уже непривычная для строгого уха Слабана Передок.

Самое интересное, что люди эти в привычных любовных треугольниках и даже квадратах часто перестают быть собой

и вдруг видят мир глазами своего соперника или соперницы.

Имена их путаются, переходят друг к другу, как волейбольный мяч. Остается лишь некое блуждающее «я», ищущее себя и свою любовь. Обрывки идеологий, плакатов, заплеванных советских пейзажей и какой-то странный коллаж из Петербурга, Москвы и Ялты, так что герои находятся одновременно и на берегах Невы, и в Москве, и на Черноморском побережье. Оказавшись в объятиях одного, она видит себя в объятиях другого, да и видятся они ей неким единым существом, любящим и любимым».

После публикации романа «Равновесие света...» в 1988 году имя Нарбиковой стало символизировать новую русскую литературу, а точнее – самые ее раздражающие и возмущающие аспекты. Проза писательницы, изысканна и наполнена языковыми экспериментами.

Сама Валерия Спартаковна снова в подполье, языковом и литературном. Все попытки напечатать ее тексты натываются на тупое недоумение. Чиновники от литературы не понимают этого «птичьего» языка, легкого сквозняка и игры света и тени, словесной акварели. Они делают литературный процесс, а она пишет литературу.

Проза Нарбиковой – все равно явление вневременное, внелауреатское и книжнопроектное. Потому журнал «Вторник» открывает свою библиотеку именно ее произведениями.

А кого же издавать, если не Нарбикову?

ИНИЦИАЛЫ

Маленький роман

Дано:

Однополное время года,
память – X
радуга?

Решение:

Они жили в ветхой землянке ровно тридцать лет и три года. Старик ловил неводом рыбу, старуха пряла свою пряжу.

Они жили в ветхой землянке, и ему было ровно тридцать лет, а ей три года, и когда об этом узнали, его посадили в тюрьму, а ее отправили в детскую колонию.

Ответ:

Радуга повисла, как Обломов.

Поцелуй на гитаре

I

Бр был действительно бр-р-р. Он служил в церкви, куда прихожане приносили банки и бутылки. Однажды он утаил несколько банок и бутылок, и сделал из них кукол. Они были очень похожи на жителей колонии. На горлышки бутылок он надевал медовые или майонезные банки, сверху натягивал чулок и приделывал мягкие ватные ноги, а когда кончилась вата, стал прикручивать прутики.

Кукол звали так, как было написано на этикетках. Больше всего он полюбил Изоллу-Беллу. Снял со своей руки часы и надел ей на ручку.

По вечерам колония была гадко прозрачной. За прозрачными стенами сидели у всех на виду однополые существа. Сквозь стены было видно, как кто-то вешается, кто-то пьет чай, кто-то спит.

Днем Бр находился в церкви: принимал бутылки, святил их, а по вечерам писал – это не преследовалось – об Урне.

Прихожане звенели бутылками все настойчивей, требуя открыть дверь в церковь. Бр посмотрел на часики, они показывали шесть утра. Он на всякий случай завел их, и ему стало приятно. В церковные стекла бил резкий снег и занозил их. Бр зажег лампадки у бутылок и пошел открывать дверь.

Прихожане хотели как можно скорее избавиться от этих хрупких предметов культа. Они боялись наказаний за трещины, а еще больше – за укрытые осколки. Они не любили бутылок и боялись их, они не любили свое сходство с ними. Перед входом в церковь они стояли и обсуждали приметы. Те, у кого бутылки после мытья запотели, говорили, что это к сильному морозу. Другие утверждали, что образовавшиеся у горлышка круги не предвещают ни холода, ни осадков.

Бр поздоровался с прихожанами, они заулыбались и успокоились. В церкви было тепло, стоял легкий перезвон, и только через несколько часов он был нарушен криком кошки. Кошки жили в церкви. Случалось так, что они орали

и пугались собственного крика, отягченного эхом.

В этот день Бр протирал бутылки, ставил свечи, а когда стало темнеть, застыл и долго сидел, потому что ему некуда было идти. И дом, прозрачный, как дождь, и дом, горящий, как зуб, – все дома были заполнены кем-то, и, с высоты церковного окна, было видно, что некуда идти. И он открыл книгу, и, как в прошлый вечер, как в вечер своей молодости, написал еще несколько строк – посвятил их Урне.

Урна сняла шапку-поганку, и волосы прокатились по спине. Она разбросала вокруг себя погрешности, какие носят женщины, и стала видна целиком. Урна не была прозрачной, под кожей все было скрыто. Сзади Урна была гладкой. Сзади нее стоял Сокра. Он стоял на грубых пятках и тоже не был прозрачным. Его тело было проще ее. Там, где у нее были курсивом груди, у него – только маленькие опечатки.

Она, казалось, была создана письменно, он – устно. Урна села на колени к Сокра только за образами. Подул ветер и стал толкать их.

Сокра закопал ноги по самые колени в землю, а Урна привязала себя к нему шарфом, и они больше не боялись улететь. Раздался гудок теплохода, и Урна заткнула уши. Сокра подтянул теплоход за гудок, и пассажиры стали выходить на берег.

– Хочешь, уйдем? – спросил Сокра.

– Сейчас нельзя, нас унесет, – ответила Урна.

И они еще крепче прижались друг к другу. Ветер при-

нес раму с целыми стеклами. Оставалось ее только укрепить, чтобы получилось готовое окно с видом на море. Так и сделали. Сокра откопал ноги, Урна развязала шарф и открыла одну створку окна. От влажного ветра окно стало мокрым и все утонуло в ласточках. Ночи стали старше дней, но не доносилось колокольного звона: леконт-де-лиль-виле-де-лиль-адан.

Бр отложил книгу, запер церковь, пошел вниз по улице. Стены домов приятно светились, о них доверчиво терлись беспризорные кошки.

– Кис-кис-кис, – позвал Бр кошку. Она не подошла – не захотела или не расслышала.

На деревьях лежали кубики снега. Бр щелкнул по одному, по другому, но палец его быстро замерз, и он опустил руку в карман. Дальше спускался все ниже и ниже бульварами, пока не дошел до двухэтажного дома и не увидел прибитый к стене дохлый номер. В подворотню свернул прохожий и уперся струйкой в угол. Бр прошел мимо, купил в киоске кусок мыла и вымыл в снегу руки. Чистыми руками он прикоснулся к Урне. Он сделал так, как обнимаю. Он сделал так грозно, как обнимают по памяти. Бр повсюду искал сходства с Урной, соединял найденное, он выбрал до сих пор неизвестную форму, и в первой строке у самого берега купались рыбы, а во второй подмышки Урны были в стиле рококо.

Бр вернулся в церковь, когда во всех норках уже лежал снег: обруч на обруче. И с первых же минут почувствовал,

что без него здесь был не ветер. Бр осмотрел ящики с бутылками, священные утром банки.

Все было на месте. Но когда он подошел к Изолле-Белле, то сразу догадался, что кто-то трогал ее за часики. Они стояли. Бр завел их, но они шли очень медленно, и вскоре опять остановились. И Бр проспал утром и не слышал, как несколько шипящих ругали его предпоследними словами. Утро было злое, как Ходасевич, а главное-преглавное то, что оно начиналось в пять часов и кончалось в двенадцать. И во всем подражало поэту, родившемуся в 1886 году и умершему в 1939-м.

Не страшно при мысли об этом? Нет? А, потому что еще будет день и ночь! Но и день ведь тоже родился в 1799-м и умер в 1837-м. И ночь, хотя она и была долгой: 1889—1966. Но бутылки словно договорились ничему не удивляться.

Днем Бр съел безвкусный салат «свекровь», куда входили два неизменных компонента: свекла и морковь, и стал делать подарок для Урны.

А между тем у него в животе разыграли балаганчик. И если бы кто-нибудь приложил ухо, то мог ясно услышать: «Вы не обманете меня – это моя невеста!». Но некому было приложить ухо, и поэтому никто не слышал. А так, разобрать было трудно – бурчанье, да и только.

Делая куклу, он думал: так прийти неудобно, а с подарком я приду и скажу – вот, такие жители в моей стране. Меж-

ду нашими государствами нет границы, но вы о моем ничего не знаете, а я о вашем знаю так мало! Посмотрите, она прозрачна, у меня не было подходящей банки, поэтому у нее вместо головы электрическая лампочка. Эта девушка никогда никого не любила, и ей никто не говорил «вы», если только не считать, что однажды ее выпороли, поэтому у нее такие большие губы и такие маленькие крылья. Но у нее красивое имя – Тамара Таракан. Он сделал куклу к ночи, и решил, что теперь уже идти поздно, поднес ее к свету, но его испугал вольфрамовый скелет внутри лампы.

Бр поставил куклу на стол, открыл окно. Над ним было черным-черно, и дуло, как из огромной дыры. «Небосквод», – подумал он.

II

Ночь казалась еще темнее, потому что не было часов. Маленькие неподвижные собаки отливали медью. Улицы, противные, как грязные ноги, как ничьи ноги, лежали, разведенные – потому что были подняты мосты.

И мосты, и гранитный памятник первой машине, и фонтаны с привкусом ржавчины в сизифовой воде, находились далеко от Ночной библиотеки, владельцы которой – Урна и Сокра – медленно спали на втором этаже, так как ни один читатель в эту ночь не пришел, потому что побоялся грозы. Но гроза не могла разразиться здесь, поскольку разразилась

в колонии.

Многие бутылки, застигнутые на улице врасплох, были побиты. В канавах блестели осколки стекла. Бр вышел из церкви, когда дождь вместе с грязью еле-еле волочился по канавам, и было ясно, что опасность миновала. Рядом с церковью стояли прихожане, задрав головы, смотрели вверх на самый купол, у которого осколком молнии было отбито горлышко. Бр привел им похожий пример в три действия, те опустили головы и пошли по домам.

Урна открыла глаза, ей показалось, что в углу громоздятся стулья. Их подростковые худые спинки и выпяченные ребра испугали ее. Она дотронулась до Сокра и мяукнула.

– Что ты? – спросил он. – Еще рано, спи.

– Мне кажется, что за мной кто-то подглядывает. Посмотри, кто сзади.

– Ты просто устала.

– Нет, посмотри.

– Хорошо.

Сокра посмотрел и никого и ничего там не увидел.

– Никого там нет, – сказал он.

– Но я чувствую взгляд.

– Усни.

Бр отложил черновик, хотел переписать набело, но тут его отвлек увядший тюльпан с вздернутым изгибом короткой шеи. От тюльпана нехорошо пахло. Бр приподнял его мордашку, отпустил, а потом стал беспокойно заглядывать в уг-

лы, как веник. Было мусорно и холодно.

Тогда он сел за стол и обратил внимание на то, что у Тамары Таракан совершенно отсутствуют груди. Он спохватился и стал искать что-нибудь такое выпуклое: пробки, чашки, но все это ей не шло. Случайно его взгляд остановился на двух катушках – розовой и светло-сиреневой.

Они удивительно подходили ей. И на одной из них была этикетка: экстра, 200 метров, 10 копеек. Бр остался доволен своей находкой.

– Тише, – сказала Урна, – говори потише.

– Я вообще ничего не говорю, – ответил Сокра.

– Ты громко говоришь, а я прошу потише, может быть, я еще усну.

– Жалко, что мы никогда так рано не встаем, – сказал он, – ты слышишь меня?

– Слышу. Жалко.

Именно в этот миг Бр хотел постучать в окно, но Сокра открыл окно, поэтому стук не был слышен.

– Хочешь, погуляем, – спросил Сокра, – пока еще не рассвело?

– Давай, – сказала она.

Они вышли через черный ход, откуда обычно выходят на улицу кошки. На уличных часах, на обломках стрелок сидели две птицы.

Часовая птица точно показывала четыре. Минутная колебалась между четвертью и половиной, но все вместе обозна-

чало, что шел пятый час утра. Холод суеверно, как и во все времена, прятался в рукавах пальто, и у самой шеи. К веревкам сначала большие, потом помельче, помельче, помельче – были припечатаны носки. Урна, не снимая перчаток, достала из сумочки бутылку белого вина и, улыбаясь, протянула ее Сокра.

– Откуда это у тебя? – спросил он.

– Кто-то из читателей оставил. Хочешь, зайдём в подъезд и выпьем за нас?

Пластмассовая пробка заскулила и слетела.

– Ты первая.

Урна сделала три булька.

– Теперь ты.

Отпивая из горлышка, они невольно богохульствовали около получаса. Пустую бутылку поставили у батареи. Вышли на улицу, шли, и несколько минут глупо смеялись, и условные широта и долгота казались и шире, и дольше.

– Скажи: *е я – в я – в я*, – просила она.

– Не скажу, – упрямылся.

– Скажи!

– Ну, *вя-вя-вя*.

– Чистил! – радостно восклицала. – Чистил зубы. Ты целыми днями чистишь зубы.

Впереди из тумана выделился дом, и, как призрак, обогнул о тлыжник.

– Он настоящий? – спросила Урна.

Сокра кивнул.

– Ну, как что, например?

– Не знаю.

На маленьком лугу паслись две некоровы и такие же темные некурицы, их охраняла несобака, которая не лаяла.

– А где ты родилась?

– А ты?

– С кем ты родился?

– В чем ты родился?

– Не знаю.

– И я не знаю.

– А если бы тебя привели в камеру для пыток и потребовали, чтобы ты сказала правду?

– Что именно?

– Ну, где ты родилась?

– Я бы ничего не сказала.

– А если бы они повернули рычаг?

– Я бы сказала, что не знаю.

– А если бы они стали спрашивать о подробностях: с кем родилась, в чем родилась, и опять повернули рычаг?

– Я бы заплакала, потому что, правда, не знаю.

Урна прижалась к Сокра, и несколько минут они шли, и ни о чем не говорили. В пустой столовой для таксистов съели по пирожку и выпили по стакану чая.

– А ты видел когда-нибудь свою маму?

– С кем?

- Это не мой вопрос.
- И не мой.
- Как ты думаешь, какой меня видят прохожие?
- Где ты видишь прохожих?
- Пусть даже те, которых я сейчас не вижу.
- Те... немножко чеканутой.
- Почему?
- Потому что у тебя отрезан воротник.
- А тебе нравится мое лицо?
- Очень давно.

На следующих улицах уже стали попадаться прохожие. Стены домов были перепачканы. Упитанные балконы отягощали дома.

– Я хочу в другой город, – сказала Урна.

– В другой нас не пошлют, а если пошлют, то только матом.

– Я не хочу матом.

– Смотри, – сказал Сокра, – поставили еще одну будку.

Он показал на суфлерскую будку, в которой сидел дежурный и подсказывал прохожим, что им надо делать. Он цитировал строчки известных поэтов, и прохожие слушались.

– Давай перейдем на другую сторону, – предложила Урна.

– Зачем, послушаем, что скажет.

Из суфлерской будки: бе-бе-бе.

– Он принял нас за праздных гуляк, – сказал Сокра.

Из будки: ме-ме-ме.

– Может, убьем его? – сказала Урна.

– Зачем? Даже если тебе безнаказанно или наказанно разрешат сказать все, что ты хочешь, тебе есть что сказать? В сущности, все, что я говорю, я говорю себе, в лучшем случае – тебе.

– А в худшем? – спросила Урна.

– А в худшем тому, кто услышит. Только я за это не отвечаю.

– А это правда, что у тебя пришиты руки?

– Это правда.

– Хочешь, зайдём в церковь? – сказала Урна.

– Все равно, как ты хочешь.

– Представь себе, например, культ бутылки, – сказала она, – святят бутылки, зажигают около них лампадки.

– Ну и что? – сказал Сокра. – Все это условности.

– Тогда бы ты ходил в церковь?

– Я же говорю, что это ничего не меняет: и ходил бы, и не ходил. Так зайдём?

– Нет, – сказала Урна.

– Тебе что, грустно? – спросил Сокра. – Пойдем в библиотеку, уже совсем рассвело. Кто это сажает колючки на улице?

– Мне так хлебушка хочется. Только не говори ничего, я тебя люблю.

– Как это люди понимают друг друга, – сказал Сокра. – Ведь одно слово состоит из разных слов. Вот я отвечаю тебе: «Конечно». А может, ты думаешь: конь-ешь-на, то есть ешь

МОЙ конь, на-ка.

– Ты мне не веришь? – спросила Урна.

– Нет.

– Значит, ты мне не веришь! Так это же хорошо. Ты, правда, не веришь?

– Конечно, не верю, – сказал Сокра.

– Значит, я могу говорить тебе все, что хочу.

– Конь-ешь-на, – сказал он. – Ну, скажи теперь все, что хочешь, раз уж это так хорошо.

Урна прижалась к Сокра и ничего не сказала.

Бр придумал шесть предлогов, куда можно пойти (в, по, к, на, под, из-под), но споткнулся, остановился на междометии «ой» и никуда не пошел. Его пятки были твердыми, как пемза. С их помощью он без труда оттер чернила на пальцах.

шевке выкинул восемь часов пятьдесят семь минут – вместо девяти, которые показывал будильник. Урна расставила брови и, пока ничего не отвечая, куда-то юркнула.

– Куда ты? – успел крикнуть Бр.

– Минуту, – сказал Сокра и вышел.

Сокра нашел Урну за дверью, она стояла там и задавала себе вопросы, и, кажется, ни на один не могла ответить. Когда она увидела Сокра, сразу же стала задавать их ему. Бр действительно подождал ту минуту, а потом тоже вышел за дверь.

– Ты готова? – спросил он.

Урна кивнула и приблизилась к нему.

– Тогда пойдем. Ты обо всем спросишь по дороге, – добавил он.

Она опять кивнула.

– Ты что! – крикнул Сокра. – Разве не видишь, какой он старый?

– Но у тебя ведь тоже пришиты руки, – ответила Урна.

– Он – бутылка! – воскликнул Сокра.

Урна пожала плечами и тихонько заскулила.

– Не уходи. – сказал Сокра.

– Разве я ухожу? – сказала Урна.

И вдвоем с Бр они вышли из Ночной библиотеки, заставленной стульями, столами и еще чем попало.

– А что это там у вас на углу? – спросил Бр.

– Это почта, – ответила Урна.

– И там принимают посылки?

– Я не знаю. Вам нужно отправить посылку?

– Да нет. А вот это что за магазин? – опять поинтересовался Бр.

– Это хозяйственный. Скажите, это вы подглядывали за мной рано

утром, когда я неожиданно проснулась?

– Да. Ты так забеспокоилась, что я испугался, как бы ты меня не заметила.

– Отпустите меня, – попросила Урна.

– Нет, Урна, нет, – ответил Бр. – Давай зайдем в хозяйственный. Я куплю несколько лампочек. Ты знаешь, например, что из лампочек лучше получаются женские головки, а из банок – мужские?

В магазине Бр предложил Урне самой выбрать лампочки. У открытых окон стояли покупатели и дышали. Когда их набиралось слишком много, продавцы говорили: «Хватит дышать, проходите!»

По улице пожилая женщина катала тележку с пирожками. Сверху лежал пирожок в разрезе, по нему можно было определить возраст и породу.

– Хочешь, я куплю тебе пирожок? – спросил Бр.

– Я не голодна, – ответила Урна.

– Нам еще долго идти, – сказал он.

Урна взяла его под руку, и они пошли немного быстрее.

– Я хотел прийти к тебе с подарком, но это очень хрупкая вещица, я побоялся, что разобью.

Не выразив никакого интереса, Урна спросила:

– А там, куда мы идем, есть вода?

Бр кивнул.

– И холодная, и горячая?

– Ты все увидишь, – ответил он.

– Очень хочется вымыться, – договорила.

– Это что за дым? – спросил Бр. – Там какой-то завод?

– А! – засмеялась Урна, – Завод по выпуску облаков. Видите, кругом ни одного облака, а здесь целое скопление.

– Ну, вот, ты уже смеешься. Я осмелюсь еще раз: а что это за дым? Ты не сердись на меня, нет? Тогда в последний раз: а что это за дым?

IV

– Здесь можно курить? – спросила Урна.

– А ты куришь? Кури. – Бр подвинул свой стул так, чтобы сестра сидела рядом.

– Это церковь?

– Церковь, но курить можно.

– А может, у тебя и вино есть? – спросила она.

– Есть, – ответил Бр. – Я не буду, но, если ты хочешь, выпей.

От красного вина у нее пересохли губы, и Бр стал осторожно откусывать маленькие твердые заусеницы на них.

– Кто же еще сюда приезжает? – огляделась Урна.

Бр потерял о ее пушистые глазные усики-ресницы.

– Никто. Тебе здесь не нравится? – Он тоже огляделся и сам ответил:

– Это ты устала с дороги. Хочешь, просто полежим?

И неожиданно, одетые, они заснули. Ночью Урна перешагнула

через Бр и подошла к окну. Через площадь нетрезво бежала кошка.

«Мне кажется, из пианино вылетает моль», – мысленно произнес

Сокра, обращаясь к Урне. И от имени Урны задал себе вопрос, что-то

вроде: «Как это?» – и сам ответил: «Она ест прокладки». – «Как же

она вылетает?» – слышалось ему. «Ну, выползает», – ответил. —

«Я сегодня видел, летала моль, я не мог ее поймать. А как ты к нему

обращаешься, ты его называешь по имени?» – спросил Сокра. «Никак не называю, – последовал ответ, – вы или ты, но не по имени».

Урна повернулась к Бр и увидела, что он не спит. Она рассердилась и включила свет. Бр сразу же увидел сердитую Ур-

ну.

– Хочешь, поужинаем, – предложил он.

Она ничего не ответила.

– Может быть, уснешь тогда?

Урна пожалела, что включила свет, но предложение поужинать ей понравилось.

– А ты приготовишь? – спросила.

– Да все готово, – ответил Бр.

Он принес яичницу с одним подбитым глазом и немного водки.

– Хочешь меня напоить? – дружелюбно сказала Урна.

– Ты быстро пьянеешь?

Она обвела взглядом комнату и шепотом спросила:

– Зачем тут все это?

– Что все? – не понял Бр.

– Ну, бутылки, потом эти куклы?

– Одну из кукол я хотел тебе подарить. – Он наклонился к Урне и добавил тоже шепотом: – Я завтра открою церковь, может, ты и не увидишь никого из прихожан, но я буду принимать у них бутылки, банки, и святить их. Не смотри так, ничего страшного в этом нет. Потом я тебе покажу колонию. Выпей это.

Урна выпила и оживилась.

– И вот эти прихожане, про которых ты только что сказал, они пишут стихи?

– Нет, наверно, – ответил Бр.

– А они болеют чем-нибудь?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, болеют они, например, гриппом, ангиной, у них болит живот или голова?

– Конечно, но ты бы ничего не заметила.

– Они не жалуются?

– Не в этом дело.

– И ты часто болеешь этими болезнями? И ты пишешь стихи?

– Я болею, конечно.

– И ты пишешь стихи? – переспросила Урна, но не получила ответа, потому что тупым концом ударил гром и церковь наполнилась испугавшимися кошками, без имени, без породы.

– Вот это и есть прихожане? – спросила она, совсем опьянев.

– Нет, это кошки, – ответил Бр.

Утром Урна искала чемодан. Она была в полном отчаянии, когда Бр увидел ее.

– Ты не спишь, – сказал он, – а я не входил, боялся тебя разбудить.

– Не сплю. Видишь, ищу чемодан.

– Какой чемодан? – удивился Бр.

– Мой чемодан. Хочу переодеться, не могу же я в этом ходить. – Она показала на рубашку и вполне приличные бар-

хатные брюки.

– Почему не можешь, тебе очень идет, – возразил.

– А мне надоело, – заключила Урна, – где же чемодан?

– Ты пришла без чемодана, – как можно спокойнее сказал он, – вспомни, я торопил тебя, и ты не успела его собрать. Но я куплю тебе все, что ты захочешь.

– Разве здесь что-нибудь купишь, – усмехнулась Урна. Она еще несколько минут повертелась, а потом села и сказала:

– Отпусти меня, ты думаешь, я не вернусь, а я вернусь, я только возьму свои вещи, не могу же я без вещей. Ты мне нарисуй, как идти, и провожать меня не надо. Я по рисунку все найду. – И она сунула в руки Бр клочок бумаги и карандаш. – Нарисуй.

Он нарисовал, ему не жалко нарисовать.

– А за ящиками ты смотрела? – спросил Бр.

– И за ящиками, и в алтаре, везде смотрела.

– Ты под кроватью не смотрела, – сказал Бр, – посмотри под кроватью.

– Под кроватью? – удивилась Урна. – Но ты же сам сказал, что я его не взяла.

– Посмотри на всякий случай.

Она посмотрела и нашла там чемодан. Это был ее чемодан с пришитой ручкой и порвавшейся в одном месте молнией.

– Что же теперь делать? – растерянно проговорила она.

– Переодеваться. Что-нибудь теплое надень, там сыро и холодно, я буду на улице.

Поджидая Урну, Бр думал, зачем ему один верующий подарил репродукции за два рубля – лучше бы два рубля подарил. О соседке, у которой он попросил стремянку, и которая через час пришла его благодарить:

– Я вам так благодарна, так благодарна.

– За что это?

– За все, за все благодарна...

– За то, что стремянку у вас взял, что ли?

Наконец вышла Урна в тех же брюках и в той же рубашке. Поежилась и сказала:

– Что-то холодновато, может, дашь мне свою куртку?

Он накинул на нее свою куртку, выглянуло солнце, и стало тепло.

– А поедем за город! – так же, как миллион лет назад, сказала она.

– Ты так говоришь это, как миллион лет назад.

И они поехали за город, как миллион лет назад. Контрапункт железнодорожных линий у самого вокзала прояснился у следующей станции, трясти перестало, и можно было обо всем поговорить.

– Я хочу с тобой обо всем поговорить, – сказал Бр.

– Давай поговорим.

– Давай пойдем завтра в гости! – чуть ли не проорал он.

– Давай! – ответила она, словно это было неслышанным

счастьем.

– Или давай лучше куда-нибудь уедем завтра?

– Давай, – прозвучало в том же духе.

– Хочешь, я тебя познакомлю с кем-нибудь?

– Хочу.

– Хочешь?

– Хочу.

– Давай?

– Давай! – и так далее, пока они не вышли.

Они вышли глупо, так вообще не выходят из электрички, в палатке купили конфет к чаю, которого и быть не могло. Во рту от конфет стало противно-сладко.

– Ну, что дальше? – сказала Урна.

– Сними брюки, надо вымыть пол на поляне, – сказал он.

– С меня хватит, – усмехнулась она, – твои бутылки, церковь сомнительная, теперь еще пол мыть в лесу, сам снимай.

Все-таки она сняла и вымыла и грязные бросила в лужу.

– Отожми насухо, – попросила она, – у меня нет сил отжимать.

Бр прополоскал брюки, отжал их и отдал Урне. Она надела их и, уставшая, села посредине поляны.

– Я тебя люблю, – сказал Бр.

– Да, – ответила она.

– Ты останешься у меня?

– Да, – ответила она.

– Все будет так, как миллион лет назад?

– Да, – ответила она.

После некоторого молчания Урна сказала:

– Что же будет дальше?

– Но ты ведь согласилась, – сказал Бр.

– Мне, наверное, придется ходить на работу, – как-то неуверенно проговорила она.

– А! Ты об этом. Это как ты захочешь, – обрадовался Бр тому, что слова Урны ему совершенно понятны. – Я могу устроить тебя в одно место, ты должна будешь придумывать образы.

– Радуга повисла, как Обломов, – сказала она безучастно.

– Вот именно, – все больше и больше радовался Бр. – Правда, этот образ понятен только русскому читателю, но ничего. Все образы заносятся в картотеку, – оживленно говорил он, – и потом, как бы тебе объяснить, писатели отбирают себе нужные, а использованные вычеркиваются.

– Понятно, – сказала Урна так же безучастно. – «Девушка, уступите мне та-та-та по знакомству. – Я еще раньше договорился с девушкой и та-та-та – мое. – К сожалению, та-та-та уже взяли, вам придется подыскать себе что-нибудь другое. – Ну как же так, девушка!» А еще какой-нибудь нет работы? – спросила Урна.

– Еще? – задумался Бр. – Есть. Читать книжки и раскрашивать.

– Нет, я серьезно, – улыбнулась Урна.

– Это очень серьезная работа, – сказал он серьезно. – Тебе

дадут коробку цветных карандашей, ты должна будешь внушить читателю отношение к тому, что уже написано в книжке. Предложение или даже целый пассаж обводишь определенным цветом. Существует оценочная таблица. Например, «она протерла пыль на земле». Как это понять? А ты обводишь это желтым карандашом, что коротко обозначает «нервы». Постепенно читатель привыкает к цветовой таблице, и соотношение цветов ему точно указывает, как нужно относиться к тому или иному пассажи в книжке, ты слушаешь меня?

– Но кто же будет читать такие книги?

– Другой работы у меня нет.

– А на завод по выпуску облаков?

– Это то место, где ты смеялась?

Шел не первый час ночи. Урна сняла с себя рубашку и повесила на спинку стула, потом сняла брюки и тоже повесила. Она постояла в колготках, но они были такие рваные, что через несколько секунд она вывалилась из них. В постели было холодно и дул ветер. Он задувал из правого угла и со страшной силой раскачивал волосики на ногах. Урна стала ерзать. Она подоткнула под себя одеяло, но углы его были мокрыми, и она с отвращением поджала под себя ноги. Подвинулась поближе к стене, почувствовала, как что-то кольнуло ее в бок. Она попыталась определить, что это, и определила – это была ужасная гадость, хлебные крошки – видимо, кто-то ел в постели. Она села на корточки, принялась стряхивать

их, и тут оказалось, что под ней не простой матрас, а резиновый, из которого, как только она успела об этом подумать, выскочила пробка, и он со свистом сдулся. Урна вскрикнула, на ее крик пришел Бр.

– Почему ты сюда легла? – спросил он, увидев ее на матрасе. – Я же тебе постелил вон там. – Он взял ее за руку и подвел к очень женственной постели.

– Что ты стоишь, ложись, – сказал он.

Урна села на край и заплакала.

– Ты что? – удивился Бр.

– Я хочу домой, – ответила она сквозь слезы.

– Ложись, ложись, сейчас поговорим, – он укрыл ее и сел рядом.

– Я хочу домой, – повторила она. – Зачем я тебе, отпусти меня.

– Не надо плакать. Я тебя не держу, но только ведь ты согласилась.

Урна заплакала еще сильнее, и Бр растерялся.

– Хорошо, – сказал он, – мы завтра все решим, но куда именно тебя отпустить?

– В библиотеку.

– Неужели тебе там могло понравиться, ведь это только черновик, – сказал он, – это место совершенно не прописано.

Урна упрямо повторила:

– В Ночную библиотеку.

– Я бы тебе все объяснил, но не хочется так, с бухты-ба-

рахты, в конце ты все поймешь, – он, казалось, разговаривал сам с собой, – а потом к кому тебя отпустить? Ты хотя бы знаешь, как ты появилась на свет? Вот видишь, не знаешь, а плачешь и просишь, чтобы я тебя отпустил. Куда, спрашивается? Ты просто легла не на ту постель и разнервничалась, а эта постель хорошая, спи, Урна, тебе будет удобно.

– А сколько сейчас? – спросила она.

– Что сколько? – не понял он.

– Сколько времени?

– А, времени, сейчас посмотрим, сейчас, – Бр подошел к Изолле-Белле и приложил ухо, – ходят. Я думал, встали, – и он сказал, сколько времени.

– Зачем ты ей часы прицепил? – возмутилась Урна.

– А что, плохо?

– Какая же у тебя гадость кругом, не подходи ко мне, – сказала

Урна.

– Мы сейчас что-нибудь придумаем, пойдешь умойся, – посоветовал Бр.

– Хотя бы водой, – съязвила она, – или может тут у вас кашей или бумагой умываются?

– Не злись, Урна, водой, я тебе полью.

– А водопровода нет?

– Лучше я полью.

– Лучше водопровод.

– Его нет.

– Дыра какая-то, – огрызнулась Урна и пошла вслед за Бр. Но она умылась, и ей стало получше. Вернулась, легла и позвала Бр, чтобы что-то сказать ему. Но когда Бр вошел, она решила, что лучше скажет это утром. Бр закрыл дверь, и она недолго с кем-то разговаривала:

– Ты есть хочешь?

– Не хочу и тебе не советую. Я сплю.

– Почему ты так сказал? Ты что, думаешь, я тебя есть с собой позову, или ты меня убить хочешь?

– Намазалась какой-то ерундой, вату к носу прилепила. Почему я тебя убить хочу, с чего ты взяла?

– Тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

За стеклом была парикмахерская, огромная и неряшливая. Мастера работали у всех на виду. Они грубо мыли головы женщинам и мужчинам, и никто друг друга не знал. Урна подышала на стекло и написала: Урна.

Ей чудом удалось не заснуть, и когда Бр заснул, она нашла рисунок и сбежала. Урна благополучно добралась до четвертой линии, и там стала голосовать. Некоторые машины тормозили, но, когда она говорила, куда ей, уезжали – и все. Тогда она пошла пешком. Ей хотелось поговорить хоть с кем-нибудь, и было, о чем спросить, но люди не попадались, а только машины. Она подумала, что было бы неплохо не огибать все эти здания, не переходить через дороги, рельсы, а пересечь всю колонию под землей. Она стала более

внимательной, стала смотреть, не попадет ли какой-нибудь вход под землю. И скоро нашла то, что нужно. Спустилась вниз и разменяла деньги.

В вагоне было пусто, и напротив нее сидела собака с синяками под глазами, и рядом с собакой – женщина с синяками под глазами, и рядом с женщиной – девочка с синяками под глазами.

Она вышла из метро и пошла по тротуару. Было тепло и сыро. У обочин тротуаров размокала спитая чайная заварка, валялось множество окурков, но не было ни одного человека. У перекрестка что-то загадочно блестело. Урна подбежала, дотронулась, это оказался плевок, и она покраснела от омерзения. Через некоторое время ее туфли размокли, словно их сварили. Пришлось скинуть их и идти босиком. Наконец она пришла.

«Брысь!» – сказала Урна телефону, который попался ей под ноги, потому что стоял на полу.

«Это я не вам,» – извинилась перед читателем, принявшим это на свой счет. Сразу поднялась на второй этаж и пошла в ванную. Там она стала мыть ноги, по очереди задирая их в раковину. Читатель, видимо, донес, потому что через несколько минут в ванной появился Сокра.

– Что же ты ничего не сказала, хотя бы позвонила, я бы встретил... Ты босиком шла? А туфли где?

– Покорми меня, – попросила Урна.

– Конечно, – засуетился он, – а выпить хочешь?

Она кивнула.

Из ванной Урна крикнула:

– Принеси мне что-нибудь переодеться!

Сокра появился через несколько минут и сказал:

– Но там нет твоих вещей.

Урна рассердилась:

– Только не надо никакой мистики, посмотри получше.

Сокра долго не возвращался, а когда вернулся, то опять ничего не принес. Урна вышла голая, мокрая, «хотя бы вытрись», открыла шкаф, и стала искать. Она выбрасывала вещи Сокра, думая найти за ними свои, но там было пусто. Она почти обсохла.

– Черт знает, что! Нет, ты иди сюда, – она подтолкнула к куче вещей Сокра. Пустые рукава рубашек и пустые брючины лежали в двух измерениях.

– Надень пока мое, – посоветовал он.

– Что твое, что? – все больше заводилась Урна. – Может, это? – и она растоптала майку.

– Как хочешь, – и он вышел из комнаты.

Она села на кучу белья и вспомнила о чемодане: как искала его в церкви, чтобы переодеться, как нашла под кроватью и даже не стала открывать.

– Прости, – обняла она Сокра на кухне, – все осталось там, я совсем забыла.

– Нельзя же так, – уже без обиды ответил он, – пойді убе-ри, я уже несу.

Из всего, что валялось, Урна слепила большой ком и откатила его в угол.

Они чокнулись.

– Ну, рассказывай, – сказал Сокра.

Постель, на которой они сидели, была несвежей, с дряблой простыней в ногах. Подушки лежали, прижав уши, готовые к побоям. Сокра курил, и пепел иногда падал на пододеяльник. Урна протянула ему блюдце, в которое стряхивала сама. «Что?» – не понял он. «Возьми, – но на полпути ее рука остановилась. – Ничего, как хочешь».

Ничего не сказав, Сокра вышел из комнаты.

– Ты где, в туалете был? – спросил Урна, когда он вернулся.

– Нет, я высморкался.

– Я же слышала! Что, это теперь называется высморкаться?

– Короче, рассказывать ты не хочешь?

– Почему не хочу, между прочим, могли меня устроить на работу: раскрашивать книжки.

– Ну, все, хватит, – резко перебил ее Сокра.

– Не верит! Обводишь желтым – обозначает нервы. Но я не согласилась. Или придумывать образы.

– Урна, бедненькая, что ты несешь! Ложись, давай-ка ложись.

Резко, как будильник, зазвонил телефон. Он стоял рядом с кроватью, и Урна, вскочив, нечаянно вляпалась в него. Ли-

ния разъединилась, зато Урна, совершенно распутившись, стала выпаливать сквозь слезы:

– А ты как думал, тебе все игрушечки... а когда под тобой сдувается матрас, когда куклы, а брюками лес мыть, и еще... и еще неизвестно что, и когда я ничего-о-о о себе не знаю, да, ничего, с кем родилась, в чем? Нет, ты скажи, в чем главное, в чем родилась!

Само собой, через некоторое время она выдохлась и попросила воды. После первых торопливых глотков сказала:

– Поезд шел очень неровно и в тупике остановился, проехал немного назад, и тут я увидела чудовищную надпись на стене, ты не поверишь.

– Что именно? – спросил Сокра.

– Как ты думаешь?

– Дурак или что?

– Нет, не это, – сказала она.

– Дерьмо?

– Нет, там на стене висела табличка, представляешь, метро, туннель, рельсы и освещенная электрической лампой табличка: «женский туалет», это было так чудовищно.

– Там была дверь? – спросил Сокра.

– Никакой двери. Стена и на стене табличка.

– Я не хочу оставлять тебя здесь одну, давай вместе спустимся вниз, я должен выдать несколько книг.

– Иди один, я не пойду, – сказала Урна.

– Почему?

– У меня голова грязная.

– Нормальная голова.

– Говорю же, не пойду.

– Ты любишь меня? – спросил он.

– При чем тут это, – сказала она.

– Ответь, пожалуйста.

– Да.

– Что «да»?

– Отстань, а? – сказала Урна.

Помолчали, а потом Урна спросила:

– Как расшифровывается «метро»?

– Наверное, никак, зачем расшифровывать? – удивился

Сокра. – Так можно все расшифровывать: стол, мыло, еще...

– Что ты ворчишь, я просто спросила; никак, так никак, – она легла поверх одеяла и чем-то захрустела.

– Чем это ты хрустишь?

– Я? – тут же проглотила. – Ничем. – И это ее развеселило.

Посмеялись.

– А здесь было что-нибудь такое без меня? – спросила она.

– Такого ничего не было. Два раза топили камин. Одна девушка мне принесла цветы.

– А дрова где брали?

– Соседний дом в лесах, там немного.

– Красивые цветы?

– Красивые.

– Они внизу?

– Внизу.

– А девушка красивая?

– Красивая.

– Она внизу?

– Внизу.

Больше Урна ни о чем не спрашивала, но через некоторое время Сокра сам сказал:

– Сегодня в цирке повесился медведь. Прямо в клетке.

Служащие утром вынули его из петли.

– Хочешь, я что-нибудь для тебя сделаю? – спросила Урна.

– Хочу.

– Хочешь, я никуда не уеду?

– Хочу.

– Хочешь, мы прямо сейчас ляжем?

– Хочу. – Он усмехнулся. – Мне пора спускаться вниз.

Урна зевнула, пробежала вдоль горизонта и, когда утром

Бр зацарапался в дверь, сонно ответила:

– Ну, встаю.

Бр протиснулся в комнату и замер.

– Ничего не будет, – сказала она ему, – это исключено.

Он не уходил.

– Ты что, по-русски не понимаешь? – Урна привстала на локтях.

Он надавил на нее рукой, и подошла очередь, и русская продавщица, выругавшись глазами, протянула без пяти триста грамм чего-то, и следующему без пяти грамм чего-то,

и следующему... со всех перекрестков доносилась русская речь, и могла быть война.

– Я бы съела котлету, – сказала Урна.

– Интересно, с чего ты проголодалась? И потом котлета не русское слово, – ответил он.

Шел год, месяц, число, снег.

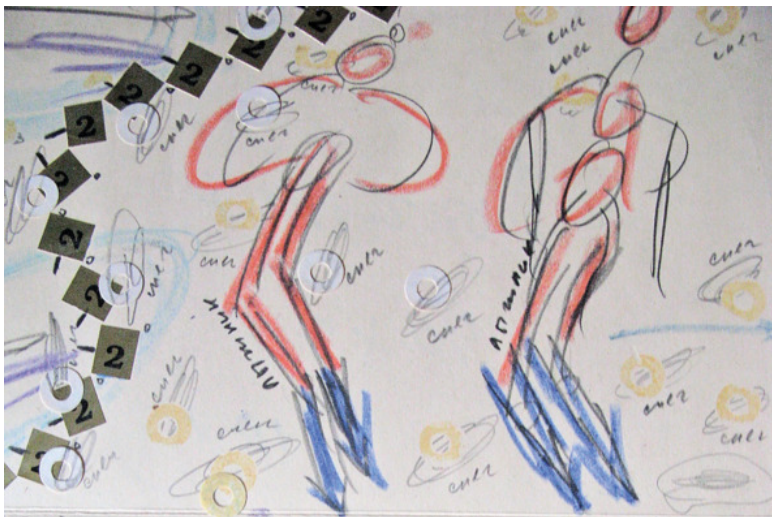
Через час будет светать.

Читатели гасили лампы.

Снег подтаял, проступили черненькие корявые знаки. Наст под окном походил на плохо отпечатанный газетный лист.

Мысль Сокра передалась девушке, только что закрывшей книги.

Подойдя к нему, она сказала: «Утро и газеты, вот гадость». Он взял у нее из рук книги и взглядом проводил до двери. Когда все читатели ушли, Сокра поднялся наверх и обнаружил в постели еще теплую вмятинку от Урны, не дождавшейся его. Он погладил вмятинку и вышел из библиотеки, цвета журнала «Весы» за 1909 год.

V

– А бриться не будешь? – спросила Урна.

– Могу, – ответил Бр.

– Но не будешь.

– Если хочешь, побреюсь.

– Мне все равно, – Урна отхлебнула из чашки кофе и протянула ее Бр.

– Пей, пей, я не буду, – сказал он.

– Почему, у нас же общая чашка.

– Потом.

– Потом я все выпью.

– И хорошо, что выпьешь.

– А вообще в том, что ты меня сюда завез, что-то есть, – сказала Урна, – я не очень на тебя сержусь. Ты паутину потрогай – нарочно не снимаешь?

– И пауков нет, откуда она, – сказал Бр.

– Пауки есть, и я их видела, и не одного, и не двух, и не трех.

– И не трех?

– И не трех.

Бр взял Урну за руку и стал водить по ее ладони пальцем: сорока-белобока кашу варила, деток кормила, этому дала, этому дала...

– А этому не дала, – Урна увернулась от Бр, и он остался с носом. После обидного промаха он сказал:

– Все-таки ты жила раньше так себе.

– Почему, я хорошо жила, – сказала она. – Мы просыпались с Сокра днем, часа так в два, в три, пили крепкий чай, вино мы днем очень редко пили, не хотелось. Потом я варила щи, знаешь, что это такое?

– Ну, что?

– Они состоят из множества компонентов, но имеют один общий корень, например, петрушки, я как-нибудь сварю, попробуешь. Я варила в скороварке – это кастрюля, которая шипит, и каждую секунду готова улететь. Потом мы разговаривали, или читали, или валялись – когда как. Ночью приходили читатели. Сокра спускался к ним, а я уходила гулять.

– И что, прямо на заборах, на стенах домов висят картины?

– Нет, с чего ты взял, никаких картин. Объявления, всякие нехорошие слова или просто тарабарщина.

– Помнишь, мы заходили в магазин, там у окон стояли люди и дышали, – сказал Бр.

– Почему это дышали? – удивилась Урна.

– Да, они очень тяжело дышали.

– А, это они отдыхали, – сказала она.

– Урна, а ведь я тебя стащил.

– Вернешь, надеюсь, – сказала она с улыбкой.

– И в вашем метро разрешают ездить медведям? – все не унимался Бр.

– Разрешают.

– И они делают прямо в брюки?

– По пьянке у них случается. Иногда Сокра лежал поверх простыни, – не спеша рассказывала Урна, – и улыбался. Тогда обнажались редкие, как у папы, зубы. И я спрашивала: почему ты улыбаешься? А он, улыбаясь, отвечал: «А я не улыбаюсь».

– И под простыней! – крикнул Бр.

– И под простыней, – продолжала спокойно Урна, – чаще всего ничего не происходило. Как на том свете, мы разглядывали друг друга и проверяли родинки на коже. Мы подтыкали простыню так, что дневной свет ни откуда не проби-вался, и тогда наступал искусственный пятичасовой рассвет.

Постепенно церковь наполнилась солнцем, и внутри лампочек стали восклицательно щекотать вольфрамовые скелеты внутри пустыньских кукольных голов.

– Не надо, не надо, пусть, – остановила Урна Бр, когда тот хотел залепить окно большим пиджаком, – я хочу все рассмотреть, а ты показывай. – Она направилась к молочной бутылке и поставила возле нее дешевую свечку.

– Вот так мы живем, – сказал Бр и охлопал себя руками, и тут же попал в собственное пыльное сияние.

– У тебя сияние над головой, – сказала Урна.

– Спасибо, – ответил он, стараясь не двигаться.

– Здесь нужен не такой ответ, – сказала она.

Осматривая церковь, Урна предложила помыть полы, почистить решетки на окнах, выставить вторые рамы и выковырять из щелей плохую вату. «Как же все запущено, – повторяла она, – так жить неприятно». Бр ходил за ней по пятам и любовался. По ее просьбе он принес ведро с теплой водой и тряпку. Сел на стул в первом ряду и стал наблюдать. Сначала Урна была веселой. С засученными рукавами она прыгала по полу и оттирала доски, подпрыгивая высоко и плашмя приземляясь. Но как-то по неосторожности ее палец попал в расщелину между досок, и те больно его прикусили. Урна села на пол и замумукала. И опять началось все сначала, словно не было ни паутины, ни сияния: «му-му-му, му-му-му, отпусти, куда, не знаю, к кому, не знаю, только не здесь, тьфу, какая гадость, ну, и что, что черновик, ну, пожалуйста, ну, умоляю, ах, раз так!».

Бр кое-как подобрал грязь, какую развела Урна на полу, набросился на окно, наорал на него и заткнул совсем. А между тем она вымыла руки, переделалась в чистый плащ, и, провалились все пропадом, провалилась в кресло. По писку было ясно, что на сырость прилетел комар, все стихло, тишина цапнула, и уже через секунду писк зачесался. Безобразно расчесывая волдырь, она начала:

– Видел рака-отшельника? Отвечай, видел? Так вот, – облегченно вздохнула она, – мы одного такого поймали с Софра. На берегу он долго сопротивлялся и не хотел выходить

из ракушки. Тогда я положила ракушку на солнце, его там припекло, и он высунулся. А только я хотела схватить – нырнул. Я его мучила страшно долго. Наконец, одурев от жары, он потерял осмотрительность, и я его вытащила за лапку. Какой же это был урод! Из смышленного и юркого он превратился в беременную козявку, и такую неповоротливую, что, сколько я ей ни помогала пальцем или прутиком, она не могла забраться в свою ракушку. От этой несчастной возни меня стошнило, слава богу, в кустах, куда я успела отбежать.

– Хорошо, – сказал Бр, уклоняясь от ответа, – я что-нибудь придумаю.

VI

– Ну, иди открывай, – сказал Бр.

– А кто там? – встревожилась Урна.

– Ты же просила, чтобы я что-нибудь придумал, – неопределенно ответил он.

– А почему, собственно, я «иди открывай»?

– Ты же просила. Мне-то никто, кроме тебя, не нужен.

– Мало ли, кто там, – все еще не решалась Урна.

– Вот и посмотришь, – спокойно сказал Бр.

– Вот и посмотрю, – она встала и направилась к двери.

То, что она увидела, страшно ее рассмешило. «Ах, вот оно что, – повторяла и пятилась назад, – ну-ну». Вернулась и села в кресло, выбрав самую неудобную позу, решила вообще

ничего не говорить, сидеть и все: «мне-то какое дело».

Такую реакцию Бр тоже предвидел.

– Вы тут поговорите, а я пока, – он двинулся из комнаты, – там постою.

За горизонтом небо было засижено самолетами, а по эту сторону горизонта сидели две женщины. И все, что они могли сказать – было заранее известно. А поэтому не стоило тянуть время. Урна это первая заметила, и первая сказала:

– Не будем тянуть время.

– Вам нравятся его книги, – живо откликнулась та.

– Мне называли ваше имя, – сказала Урна, – очень красивое, только я забыла.

– Тамара Таракан.

– Да-да, теперь вспомнила, – почему-то обрадовалась Урна.

– Мне в одной книге у него понравилось одно место, – сказала Тамара Таракан. – Сидят двое: мужчина и женщина, и там, значит, так: казалось, она была создана письменно, а он – устно.

– Это не интересно, – сказала Урна, – я об этом больше знаю, это обо мне.

– Понимаете, это не может быть ни о ком, ни о вас, ни обо мне, это образ, это самостоятельное явление, нет, не явление, а как же сказать, – она запуталась и смутилась.

– Это обо мне, – упрямо сказала Урна, – все его книги обо мне.

А Ночная библиотека – черновик.

Но собеседница ее не слушала, твердила свое:

– Очень странные диалоги, построены по принципу «де-фиса», то есть слова, в прошлом или совсем не родственники или вода на киселе, соединяются черточкой и становятся вдруг самыми близкими.

– Не понимаю, – сказала Урна, потому что не следила.

– Ну как же, помните? – с превосходством начала Тамара Таракан, потому что она помнила, а Урна – нет. – «А в чем ты родился? – а с кем ты родилась, – это не мой вопрос, – и не мой».

– Все не то, – сказала Урна, – все не то. Вы, конечно, понимаете, как написано, но не понимаете, о чем. А речь идет о лете. И чтобы узнать, родственны слова или не родственны, нужно выделить у них корень, а лето – самое подходящее время для этого. Вот и все. Отсюда и диалоги, и остальное. Например, из всего немецкого словарного запаса для обращения к любимому я бы выбрала: *Der Einzige und seine Eigentum*, а смысл этой фразы мне не важен, потому что, подклеивая Штирнера, Сокра глухо и совершенно равнодушно прочитал название, и, может, мне только показалось, но, может, и нет, но я ответила: «И я тебя тоже люблю», и он не удивился, а значит, не показалось.

Рамкой акварели служило сиденье для унитаза, не новое, но вполне пригодное и для унитаза.

– Я об этом не подумала, – сказала Тамара Таракан.

– Глядя на вас, мне все кажется, что вам дует в голову, – сказала Урна.

– Я должна аккуратно обращаться с головой, может перегореть вольфрамовая нить.

– На вас тратят деньги мужчины? – спросила Урна. – У вас красивая грудь.

– Летом? – разволновалась Тамара Таракан.

– Она у вас круглая круглый год?

– Летом! – уже ничего не соображая, ответила та.

– А я думала, круглый год, – сказала Урна.

– Зачем ты так? – сказал Бр, когда они с Урной остались вдвоем.

– Все равно неудачно, и главное, ничего не меняет.

– А я думал, тебе приятно будет поговорить.

– А мне вот неприятно, – отрезала Урна.

– Ну что же, Урна, ты права, это ничего не меняет, и ты останешься здесь. Хочешь, ревнуй меня, хочешь, нет, но для ревности она вполне подходит, как тебе кажется?

– Что, тебя к ней, – ухмыльнулась Урна.

Бр подошел к Урне и обнял ее.

– Не надо так говорить, – сказал он, – сегодня – санитарный день и улицы пустынные, закрыты магазины, ничего не продается, и можно свободно гулять и читать вывески: санитарный день, санитарный день.

– Ну, что ты говоришь! И тут еще эта, – Урна кивнула на кукол вообще, – приходит. Все меня развлекаешь?

– Нет, Урна, мы уже живем, – сказал Бр.

Еще несколько часов подряд они сидели и чистили друг друга в полном молчании. Потом Урна покрасила ногти.

– А что, разве меня нельзя ревновать? – ни с того, ни с сего спросил Бр.

– Что ты за человек! – сказала она, забыв, что он не человек, и испугалась сказанного. Но Бр, кажется, не придал этому никакого значения, а только переспросил:

– Значит, нет?

– Кто-то, наверное, может, только не я, – ответил Урна.

– Не ты?

– Не я.

– Кажется, понял, почему! Кажется, понял, – и он хотел сказать, что именно он понял.

– Не говори! – вскрикнула Урна.

– Нет, я скажу, – сказал он.

– Не говори, – взмолилась она, – я попробую, но, может, не к ней? – попросила умоляюще.

– Другой у меня нет, – сказал Бр.

В санитарный день они вышли поздно. И на ближайшем доме Урна прочла смазливое объявление. Кто-то менял комнату восемнадцати с половиной метров в общей квартире, и даже не на первом этаже, и не на последнем. Видимо, с солидной ванной. Слово «общая» ей особенно понравилось, она повернулась к Бр и сказала:

– Давай, давай ее получим, поменяем, или как это дела-

ется.

Ей чем-то приглянулась эта квартира, вдоволь наполненная людьми.

– Нельзя, – спокойно ответил он, – мне нельзя, я должен жить там, – и он показал на церковь.

– Ты будешь счастлив со мной, – лепетала Урна, – я тебе клянусь, в этой комнате, в общей квартире, сделай это. Я что-то припоминаю, когда-то такое уже было, я хочу повторения.

– Нет, – покачал он головой.

Она еще немного попричитала и затихла.

А день был действительно чистый. Больные деревья аккуратно перевязаны. В дорогих красивых оправках плыли облака, и лужи имели правильную форму. Меланхолическая корова заела сено черемухой, и от нее запахло черемухой, глаза устали и поползли на четвереньках.

Поцелуй – нет поцелуя, поцелуй – нет поцелуя

VII

– Все очень просто, – сказал Бр, – все очень просто. Сначала тебя не было. Это простительно. Потом я узнал, что ты есть. И какая чушь, что героиня должна быть с героем, а не с автором, и я подумал, пусть лучше с автором, то есть со мной, так даже лучше, нет, курить я не буду, нет, не потому что церковь. А дальше, твой Сокра, то есть мой герой, думает, что ты с ним, и он прав. А ты со мной, налить тебе? Видишь, я не записываю «налить тебе», а на самом деле к тебе обращаюсь, так налить? Налью. И герой оказался в дураках. Ты со мной. У нас с тобой свидание. Автор сидит со своей героиней, это происходит на самом деле, – от этой мысли Бр совершенно одурел, – ты только никому не говори.

– Пьяный ты еще хуже, – отвернулась Урна.

– Урна, Урна, ты не то говоришь! Это первое свидание автора с героиней, я напился, конечно, по-свински, то есть выпил немного, я не должен был... но ты моя героиня, я твой автор, а мы сидим запросто, и я могу до тебя дотронуться, Урна!

– Отстань же, – отвернулась резко.

– Я не буду, но я могу. Поцелуй меня сама!

– Нет.

– Я хочу, чтобы ты сама, Урна, не чтобы я написал «поце-

ловала», и как бы и было, а чтобы ты сама.

– Ты получаешь зарплату два раза в месяц?

– Два. Первый раз по маленькому, второй – по большому.

– Ты мне мог бы дать немного денег, займа, конечно? – спросила Урна.

– Конечно. Конечно. Мне приятно, моя же героиня просит у меня же деньги, у меня в голове сейчас концерт для скрипки Моцарта, играет какой-то немец, ты слышишь его?

– Нет, не слышу. – Урна подошла к стене и прочитала стихок:

Андрей Белый ест ананас спелый,

Саша Черный – гнилью моченный, —

она не поняла и вернулась на место.

– Ты прочитала, – почему-то воспрянул Бр, – да, по-моему, конкретность здесь уместнее: не просто белый, а Андрей Белый, не просто черный, а Саша Черный. Но сейчас такая минута, Урна! Мне нравится плакат: «Осторожно, высокое напряжение, опасно для жизни!»

Бр отрубился и заснул. Он спал так, что из Пушкина не разбудишь.

Урна воспользовалась этим и позвонила Сокра. И через минуту она уже с ним говорила, и через пять минут он уже был в метро.

Он передохнул на пустом сиденье, пока не услышан: «Станция Спортивная, следующая станция Спортивнее». Он вышел на той станции, что была еще спортивнее преды-

душей, и ничего нового на ней не увидел. По реке плыли щепки и козявки Танга, круиз летали птицы.

По усеченному мосту он перешел на другую сторону.

Замечательно сидела Урна в тылу, на самой дальней скамейке, и слушала одного ублюдка. Сокра посмотрел-посмотрел издалека, а потом подошел. Рядом на траве сидели четверо, среди них была девочка, полный завал, они играли в бутылочку и целовались маленькими порциями.

Урна тоже сказала «здравствуй», и они обнялись с Сокра. Тот ублюдок сунулся в компанию, на скамейке стало совсем свободно, и Сокра развалился.

– Ты так долго не приходила «по кочану» или почему-то другому? – спросил он.

– По кочану, – ответила она.

– Понятно, – сказал он, – и чем же вы с ним занимались?

– А там не так плохо, – сказала Урна, – грязно, конечно, и все такое, нет книг, даже нет водопровода.

Сокра рванул ее к себе и чокнул о скамейку.

– Ты что, с ума сошел! – вскрикнула Урна. Та девочка, что полный завал, повернулась и погрозила им бутылкой. – Совсем с ума сошел, я с ним даже не спала. – И она потеряла ушибленное место. – Больно ведь, мы спим в разных комнатах, если хочешь знать.

– Урна! – сказал Сокра громко, как дурак. – Ты с ним не спала! Тут уже обернулась вся компания.

– Тише, – попросила Урна, – тише, ты.

– Ты что, из-за них? – удивился он. – Ты их стесняешься?

Подошел к компании, выдернул бутылку и отдал ее Урне.

– Это тебе в подарок, – сказал.

«А целоваться!» – мяукнул ублюдок.

– Давай зайдем к нам, хотя бы на минуту, – попросил Сокра, – я так соскучился.

– Очень мало времени, – сказала Урна, – может быть, здесь?

– Нет. не здесь.

Она сама поцеловала его.

– Меня кто-то кусает, – сказала Урна.

– Комары? – спросил Сокра.

– Чешется вот здесь, – сказала Урна.

– Может, клоп? – предположил Сокра.

– И здесь чешется, – опять сказала Урна.

– Это комары, – установил Сокра.

– Ты что, больше никого не знаешь, только комаров да клопов? – зачем-то рассердилась Урна.

Сокра не обратил внимания и сказал:

– Какой неприятный слепок, – он показал Урне на гипсовую голову, высывающуюся из кустов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.